

ЭХО ЗАБЫТЫХ МИРОВ

Максим Власенко

Максим Власенко

Эхо Забытых Миров

<https://litres.ru/73935556>

SelfPub; 2026

Аннотация

Действие разворачивается в многослойной мультивселенной, где миры - реальности постепенно распадаются из за таинственного «разлома» . Путешествовать между осколками миров восстанавливая их баланс и раскрывая тайну катастрофы. Каждый мир обладает уникальной эстетикой, законами физики и историей. О чем я вам и расскажу.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2 Ключ Вечности и Тени прошлого	10
Глава 3 Ключ Вечности: два пути	15
Глава 4 Мир который помнит всё	21
Глава 5 Архив Миров	24
Глава 6 Ритуалы равновесия	27
Глава 7 Первый шаг стража	30
Глава 8 Знакомство с Мими	37
Глава 9 Сообщение от совета Архивова Миров	47
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Максим Власенко

Эхо Забытых Миров

Глава 1

Сюжет

Тишина. Абсолютная, всепоглощающая тишина, в которой даже собственное дыхание кажется оглушительным. Именно так ощущалось первое прикосновение к Разлому — таинственной ране в ткани мироздания.

Мультивселенная трещала по швам. Миры-реальности, некогда величественные и самодостаточные, теперь распались на осколки, словно разбитые зеркала.

В этот момент и появился он — тот, кому суждено было стать Последним Хранителем. Никто не знал, откуда он пришёл. Одни говорили, что он был изгнан из родного мира за попытку разгадать тайны Разлома. Другие — что сам Разлом избрал его, наделив странной силой: способностью видеть нити, соединяющие осколки миров, и путешествовать между ними.

Его миссия была ясна, но непосильна: восстановить баланс, собирая фрагменты древних артефактов, резонирующих с энергией Разлома. Каждый артефакт хранился в самом сердце распадающегося мира, защищённый загадками,

аномалиями и существами, порождёнными хаосом.

Хранитель знал: чтобы остановить Разлом, нужно не просто собрать артефакты. Нужно понять, что их объединяет. Почему они резонируют с Разломом? Кто создал их и зачем? И самое главное — что произошло в тот день, когда мульти-вселенная начала распадаться?

Действие разворачивается в многослойной мультивселенной, где миры - реальности постепенно распадаются из за таинственного «разлома» . Путешествовать между осколками миров восстанавливая их баланс и раскрывая тайну катастрофы. Каждый мир обладает уникальной эстетикой, законами физики и историей. О чем я вам и расскажу.

Ссылка для музыки, на погружение в книги <https://rutube.ru/video/0fb7d56fb47f8926c7a595ac4d0ed139/>

Глава 1: Горизонт событий

Профессор Илайяс Кейн не помнил момента удара. Память сохранила лишь ослепительную вспышку белизны, за которой последовал звук рвущейся материи — треск, напоминающий одновременно раскат грома и звон разбитого хрусталя. Когда он открыл глаза, привычного стерильного блеска лаборатории «Этерно» больше не существовало. Перед ним простирался мир, вывернутый наизнанку.

Эхо Город встретил его тишиной, которая ощущалась физически как плотный слой ваты, обволакивающий слух. Она не просто заглушала звуки, она поглощала их: каждый шаг, каждый вздох растворялись, не успев родиться.

Небо здесь не имело цвета. Это была бесконечная бездна, прошитая нитями ярко синего неона. Они тянулись во все стороны не хаотично, а по строгим, едва уловимым траекториям, словно схема гигантской вычислительной машины. В некоторых местах нити пересекались, образуя мерцающие узлы будто кто-то завязывал в пустоте светящиеся узлы памяти. Илайяс поймал себя на мысли: если проследить одну нить до конца, можно добраться до *источника* — до места, где Эхо впервые обрело форму.

Под ногами Илайяса не было земли. Он стоял на зеркальной поверхности небоскрёба гладкой, как отполированный лёд, отражающей и бездну над головой, и его собственное искажённое отражение. Здание уходило острым шпилем *вверх* но «верх» здесь не означал привычного направления. Напротив, другие строения парили над его головой, словно сталактиты, готовые вот-вот сорваться вниз или вверх.

Гравитация в этом осколке реальности работала по правилам безумца. Илайяс осторожно сделал шаг. Его тело самортизировало не так, как если бы он шёл по мягкой поверхности, а так, будто весил не больше пёрышка. Он приподнял ногу, и та едва заметно зависла в воздухе, прежде чем опуститься. Ощущение казалось странным: не невесомость во все, а странная неопределённость веса, будто тело потеряло привычные ориентиры. Он попробовал наклониться вперёд и пространство мягко подтолкнуло его, предлагая упасть куда? Не вниз, а вбок? Или вглубь?

— Законы физики здесь не нарушены, — прошептал он, скорее себе, чем кому-то ещё. — Они просто переписаны.

В подтверждение его слов одно из висящих зданий изогнутая башня с сотнями окон медленно перевернулось. Не рухнуло, не покачнулось плавно, почти грациозно совершило полный оборот, как стрелка часов в замедленной съёмке. Окна мигнули, отражая неоновые нити, и на мгновение Илайясу показалось, что за ними кто-то наблюдает. Не враждебно — *изучающе*.

Воздух вокруг сгустился. Каждый вдох давался тяжелее, будто лёгкие пытались втянуть не кислород, а вязкий сироп. Температура стремительно падала он почувствовал это по коже, по тому, как волоски на руках встали дыбом, а дыхание превратилось в облачка пара. Не просто холод. Это было *отсутствие* тепла как будто сама реальность здесь истончилась, лишившись одной из своих основ.

Он поднял руку.

Кончики пальцев коснулись плёнки.

В тот же миг мир вокруг **замедлился**.

Прибор на его запястье — Хроно-стабилизатор¹ — истощно пищал, фиксируя критические расхождения в плотности пространства. «Обнаружен конфликт идентичности. Вероятность интеграции в структуру: 73%»

[STREAMING: UNIVERSE_BREAKDOWN | STATUS: ACTIVE]

Илайяс нахмурился — Лаборатория, ответьте, — голос

прозвучал странно: будто его собственное эхо откликнулось спустя долю секунды, но уже другим тембром.

—Связь прервана. Разлом он оказался масштабнее, чем мы предполагали.

Илайас посмотрел на свои руки. Те слегка мерцали, становясь то прозрачными, то снова плотными. Чтобы не раствориться в этом хаосе, ему нужно было найти Фрагмент Памяти — энергетическое ядро, удерживающее этот кусок реальности от окончательного распада. Справа от него из «земли» вырвался поток оранжевых искр. Это был Разлом — рваная рана в пространстве, через которую просвечивали очертания другого мира: ледяные горы и застывшие во времени снежинки. Два мира сталкивались, уничтожая друг друга.

— Значит, балансировка, — прошептал Кейн, активируя стабилизатор.

Он направил руку на ближайшую парящую платформу. Щелчок — и гравитационный вектор сменился. Профессор почувствовал, как невидимая сила потянула его вперед, в пустоту между зданиями. Ему предстояло совершить прыжок веры в город, где свет можно было потрогать руками, а звук имел вес.

Где-то там, в глубине неоновых лабиринтов, пульсировал источник катастрофы. И только восстановив цепь событий через осколки памяти, он мог надеяться снова увидеть настоящее небо. Но пока перед ним был лишь хаос разрозненных миров, и каждый его шаг менял правила игры не только

здесь, но и в далёких, невидимых сейчас Ледяных Эонах² и
Песчаных Сингулярностях³.

Разлом ждал. Илайяс шагнул в пустоту.

Глава 2 Ключ Вечности и Тени прошлого

Илайяс Кейн скользил по гравитационному лучу, ощущая, как разреженный воздух обжигает лёгкие холодом. До места назначения оставалось всего несколько мгновений скольжения. Первая деталь Ключа Вечности пульсировала на вершухе искажённой башни, окружённой вихрем обломков. Что бы добраться до неё, профессору пришлось активировать свой стабилизатор и вычислить точную траекторию движения в условиях переменной гравитации. Он понимал, что малейшая ошибка приведёт к падению в бесконечное ничто, поэтому он сосредоточился на показаниях прибора, который вывел уравнение компенсации импульса

$$[\Delta \mathbf{p} = \int_{t_1}^{t_2} \mathbf{F}_{\text{ext}}(t) dt]$$

Он скорректировал движение и мягко ступил на поверхность шпиля. И сразу ощутил нечто странное: под подошвами не было привычной твёрдости камня. Наоборот — словно наступил на застывшую музыку.

Поверхность слегка вибрировала, отзываясь на каждый шаг едва уловимой дрожью. Она не была жёсткой — скорее упругой, как натянутая струна, но без резкой отдачи. При каждом прикосновении возникало чувство, будто ступни по-

гружаются в нечто плотное, но податливое — не проваливаются, а мягко вдавливают поверхность, которая тут же плавно восстанавливала форму.

Ссылка на мелодию, для погружения <https://rutube.ru/video/b37809a119f93c36dada1907fa4e6c8a/>

В руинах Города Кейн встретил одного из немногих выживших — загадочное существо по имени Зорн. Его тело словно соткано из мерцающих пикселей и искрящегося инея. Зорн поведал тревожную правду: привычный городской ландшафт больше не подчинялся законам физики. Теперь каждая улица, каждый дом жили по воле Разлома — таинственной силы, что превращала эмоции в архитектуру.

Лестницы вели в пустоту, двери распахивались в бездну, а стены то появлялись, то растворялись без видимой логики. Жители в ужасе метались по лабиринту искажённого города, не зная, куда приведёт следующий шаг.

Кейна предупредили об опасности:— Ключ охраняют те, кто потерял себя в хаосе. Они стали безмолвными стражами.

Кейн не отступил. Он приблизился к сияющему фрагменту Ключа, протянул руку и в тот же миг мир почернел. Воздух заледенел, температура упала до невыносимого холода. Из трещин в самой ткани реальности полезли Тени Разлома — бесформенные сгустки тьмы, пожирающие всё живое. Они не просто поглощали свет — они словно чёрные дыры, оставляя после себя лишь пустоту.

Эти существа были искажёнными отражениями тех, кто

не успел спастись во время первого столкновения миров. Их формы постоянно менялись, но в каждом угадывались обрывки человеческих очертаний — словно память о том, кем они были когда-то.

— Обернись! — выкрикнул Кейн.

Одна из Теней медленно обернулась.

Кейн замер. На прозрачном лице существа застыло его собственное выражение — то самое, с которым он год назад подписал приказ о закрытии проекта «Этерно¹». Холодное, расчётливое, лишь с едва уловимой тенью сомнения в уголках губ.

— Ты знал, — прошептала Тень.

Её голос не звучал извне. Он возник прямо в сознании Кейна — как эхо давно забытого разговора, как упрёк из прошлого, которое он пытался похоронить.

— Ты всегда знал, — повторила Тень, и каждое слово врезалось в разум, словно осколок льда. Профессор застыл.

Он вспомнил тот день: кабинет, дрожащие руки ассистента, цифры на экране, предрекавшие катастрофу. Он мог остановить эксперимент. Мог предупредить. Мог не подписывать. Но не сделал этого.

Теперь город показывал ему цену решения.

Илайас переключил стабилизатор в режим импульсного разряда, создавая вокруг себя защитную сферу. На дисплее прибора, помимо стандартных параметров, неожиданно высветилась строка

[STREAMING UNIVERSE_BREAKDOWN | STATUS:
ACTIVE | VIEWERS: 1]

Профессор на мгновение замер. Каждое столкновение с Тенью отзывалось звоном разбитого стекла в его сознании, но он продолжал использовать световую энергию города, чтобы выжечь хаос из пространства, превращая агрессивную тьму обратно в нейтральные частицы. Голоса доносились отовсюду и ниоткуда. Фразы, которые никогда не будут сказаны. Диалоги, которым не суждено случиться.

— *Если бы ты только остался— Я бы всё изменил, если бы ты меня услышал— Мы могли бы быть счастливы*

Каждое слово врезалось так сильно, оставляя болезненный след. Илайас закрыл уши, но голоса звучали внутри черепа. Это были не чужие фразы. Это были его несостоявшиеся ответы. Его не проговорённые извинения. Его упущенные шансы.

Когда последняя Тень рассеялась, Илайас наконец сжал в ладони первый фрагмент Ключа Вечности. Металл артефакта был невероятно тёплым, и на мгновение окружающий хаос затих, подчиняясь воле древнего предмета. Это была лишь первая победа в долгой цепи. Профессор знал, что впереди его ждут более сложные пространственные аномалии, где геометрия пространства описывается уравнениями общего вида, такими как $[R_{\{\mu\nu\}} - \frac{1}{2}g_{\{\mu\nu\}}R + \Lambda g_{\{\mu\nu\}} = \kappa T_{\{\mu\nu\}}]$. Не теряя ни секунды, Кейн устремился к следующему сигналу, по-

нимая, что судьба всей мультивселенной теперь буквально зависит от его способности собрать воедино осколки разрушенного мироздания.

Глава 3 Ключ Вечности: два пути

Сжимая в руке пульсирующий фрагмент Ключа.

«Илайяс изучал спектрограмму фрагмента. Линии поглощения показывали: каждый осколок резонировал с определённой эпохой реальности. Этот с эпохой жидкого золота. Чтобы собрать Ключ, нужно было не просто найти части, а согласовать их вибрации. Иначе — взрыв, стирающий всё.»

Профессор Илайяс Кейн ощутил странную вибрацию, шедшую вовсе не от артефакта. Из густого тумана квантовой нестабильности, возникшего на месте поверженных Теней, медленно вышла фигура. Молодой человек, чья кожа была испещрена ⁴ тонкими, едва заметными светящимися линиями, напоминающими интегральные схемы или шрамы от молний. Это был Кай.

Профессор обнаружил Кая несколько месяцев назад — в самом центре Великого Разлома. Это место было крайне опасным: там любая материя должна была тут же рассыпаться на мельчайшие частицы. Кай висел в пустоте, окутанный чем-то вроде кокона из застывшего времени. Он совершенно не помнил, кто он и откуда взялся. Со временем Кай стал не просто попутчиком Кейна, а его главным союзником.

У Кая была необычная способность: его тело действовало как живой инструмент, настраивающийся на осколки раз-

рушенной реальности. Когда он подходил к странным, аномальным местам или предметам, то мог «считывать» прошлое предметов и на мгновение возвращать им их утраченную форму.

— Он кричит, Илайас, — тихо произнёс Кай, указывая на фрагмент в руке профессора. — Этот осколок помнит мир, где небо было соткано⁵ из жидкого золота. Он боится забвения.

Кай подошёл ближе, и линии на его руках вспыхнули ярко-голубым светом, почувствовал, как что-то отрывается внутри. Воспоминание о матери — её лицо, голос растворилось в голубом свете. Взамен пришло эхо: крик птицы-эхолокатора, поющей на языке вымершей цивилизации.

Он не использовал приборы; его дар основывался на интуитивном понимании волновой функции реальности. В его присутствии хаотические колебания пространства начали упорядочиваться, подчиняясь закону суперпозиции, который в его сознании принимал вид формулы
$$\Psi(\mathbf{r}, t) = \sum_n c_n \phi_n(\mathbf{r}) e^{-iE_n t / \hbar}$$
. С помощью Эха Кай мог временно материализовать объекты из стёртых временем эпох: призрачный мост через пропасть или защитную стену из давно исчезнувшего сверхпрочного сплава.

Однако за эту силу Кай платил высокую цену. Каждый раз, когда он резонировал с миром, его собственные воспоминания, ускользали ещё дальше. Он надеялся, что, собрав Ключ

Вечности вместе с профессором, он сможет восстановить не только вселенную, но и собственную личность. Для него этот поход был поиском ответа на единственный вопрос: является ли он человеком, порождением Разлома или же случайной ошибкой в коде мироздания, которой суждено исчезнуть, как только порядок будет восстановлен.

— Нам нужно идти к Цитадели Шёпотов, — добавил Кай, вглядываясь в горизонт, где небо закручивалось в зловещую воронку. — Там я слышу самое громкое Эхо. Там скрыто то, что сделало меня таким.

Илайяс внимательно посмотрел на Кая, чьи руки все ещё слабо мерцали холодным светом. Профессор понимал, что путь к Цитадели Шёпотов — это не просто маршрут по выжженной реальности, а вектор, определяющий финал их существования. Он поправил очки и тяжело вздохнул, осознавая масштаб ответственности, лежащей на их плечах.

— Мы должны понимать, Кай, что Ключ Вечности — это не просто инструмент восстановления, — тихо, почти шёпотом произнёс Илайяс, глядя в мерцающую даль Цитадели. Его пальцы слегка дрожали, сжимая край потрёпанного свитка с древними схемами. — Это точка сингулярности. Место, где сходятся все линии возможного.

Кай медленно обернулся. Его глаза — словно тысячи осколков зеркала — отражали и одновременно поглощали свет. В этих зрачках плясали образы миров, ещё не рождённых и уже угасших.

— Когда мы окажемся в сердце Цитадели, перед нами встанет выбор, который невозможно будет отменить, — продолжил профессор, делая шаг ближе. — Понимаешь? Ни один последующий шаг, ни одна попытка переиграть — ничего не изменит того, что произойдёт в этот момент.

Кай молча кивнул. Он чувствовал, как сама структура реальности вибрирует в такт мыслям Илайяса. Воздух сгущался, превращаясь в густую субстанцию, где каждое слово оставляло след, как камень, брошенный в вязкий ил.

— Представь две дороги, — Илайяс поднял руку, и в воздухе вспыхнули призрачные контуры двух путей. — Первая: мы используем Ключ, чтобы спасти жителей пограничных миров. Тех, кто застрял в петлях времени, кто существует на грани бытия.

Он сделал паузу, позволяя Каю разглядеть мерцающие силуэты — тени людей, животных, целых городов, застывших между «было» и «будет».

— Но в этом случае энергии Ключа может не хватить на полное исцеление Разлома. Мир останется хрупким. Как стекло, склеенное золотой нитью. Живым, но уязвимым. Всегда на грани нового распада.

Кай сжал кулаки. В его сознании вспыхнули образы: дети, играющие на улицах, где время течёт вспять; старики, повторяющие одни и те же дни; целые поколения, запертые в вечном цикле.

— А второй путь? — его голос прозвучал глухо, будто

из-под толщи воды.

Илайяс опустил взгляд. Даже его тень, обычно чёткая, начала расплываться, словно реальность отказывалась удерживать его в этой точке.

— Есть и другой путь, — голос профессора дрогнул, но он тут же взял себя в руки. — Мы можем направить весь потенциал артефакта на усиление Ключа. Полностью. Без остатка.

В воздухе вспыхнул ослепительный образ: идеальный кристалл, пронизывающий все миры, восстанавливающий законы физики в их первоизданном виде. Линии стали прямыми, цвета — чистыми, время — линейным.

— Это принесёт абсолютный порядок, — прошептал Илайяс. — Никаких аномалий. Никаких искажений. Всё вернётся к тому, как должно быть.

— Но? — Кай почувствовал, как холод пробежал по спине.

Профессор поднял глаза. В них читалась боль, которую он носил годами.

— Цена будет ужасающей. Все те, кто приспособился к жизни в Эхе все тени прошлых эпох, все нынешние обитатели окраин — они просто исчезнут. Как капли воды на раскалённом камне.

Он шагнул ближе, почти касаясь плеча Кая.

— Ты пожертвуешь частицей вселенной ради её идеального чертежа. Сотрёшь целые миры, чтобы восстановить один. И никто — ни ты, ни я, ни сам Ключ — не сможет вернуть их.

Тишина повисла между ними, плотная, как туман. Где-то вдали, за пределами Цитадели, слышался шёпот тех, кто ждал решения: одни — спасения, другие — забвения. Кай коснулся светящейся линии на запястье. Он думал о том, что восстановление порядка может стереть и его самого, ведь он — часть этого хаоса. Третий вариант казался самым простым и в то же время самым мучительным: оставить всё как есть. Позволить энтропии дописать свою историю, сохранив статус-кво, где страдание уравновешено надеждой, а жизнь — увяданием.

— Выбор решения — это и есть истинная мощь Ключа, — заключил Илайяс. — Мы не просто чиним механизм, мы решаем, заслуживает ли этот мир своего нынешнего облика или он должен быть переписан с чистого листа. Твоё Эхо подскажет нам, какая из реальностей наиболее устойчива, но конечное слово останется за нашим человеческим милосердием или холодным расчётом творцов.

Глава 4 Мир который помнит всё

В Эхе воздух наполнен особой пылью. Она ионизирована — и потому в сумерках светится нежным неоновым светом, лазурным, как глубокое море. Из-за этого кажется, будто в небесах парят призрачные города — отголоски миров, которых уже нет.

Здесь живут «синхронизированные». Они научились слышать и чувствовать пульс Разлома — словно улавливают биевание огромного невидимого сердца. Их жизнь не знает покоя и неподвижности:

Дома не стоят на земле. Они возведены на гигантских плавучих платформах, которые медленно дрейфуют, следуя неведомым течениям реальности.

Дороги здесь не отмечают на картах. Чтобы найти путь, люди анализируют «цвета времени» — читают спектральные оттенки, в которых зашифрованы потоки прошлого и будущего.

Память — самое ценное, что есть у этих людей. Ведь реальность может измениться за одну ночь: улицы исчезнут, дома перестроятся, а привычные вещи станут чужими. Чтобы не потерять себя, жители ведут дневники и передают из уст в уста предания. Эти записи — как якорь: они удерживают сознание, не дают ему раствориться в хаосе.

Центральные миры: крепость порядка в сердце Разлома

— иные законы. Здесь люди одержимы идеей стабильности и безопасности.

Города укрыты под огромными прозрачными куполами. Они похожи на капли стекла, застывшие посреди бушующего моря перемен.

Вокруг куполов выстроены ряды массивных колонн — «гасителей реальности». Эти сооружения работают как щиты: они удерживают привычные законы физики в радиусе нескольких километров. Внутри — почти обычная жизнь.

Но это лишь иллюзия. Время от времени случаются «дрезги» — мгновения, когда реальность даёт трещину:

цвета вдруг меняют смысл: красный становится синим, жёлтый — фиолетовым, и ты не узнаёшь собственный дом;

звук отстаёт от действия: ты говоришь — а голос доносится до ушей лишь через несколько секунд, словно эхо из другого измерения.

Каждый житель знает: порядок здесь хрупкий. Он держится на волоске — на силе колонн и воле людей, которые верят, что можно удержать мир от распада. Даже растения и звери здесь изменились до неузнаваемости. Они стали частью самой ткани реальности — и несут в себе память о тысячах возможных миров.

Леса «зеркальных древ». Их листва не отражает свет. Она показывает варианты будущего. Пройдёшь мимо дерева — и увидишь десятки образов себя: в одних ты счастлив, в других — потерян, в третьих — вовсе не существуешь. Каждый лист

— окно в иную судьбу.

Птицы-эхолокаторы. Они не поют своих песен. Они повторяют то, что слышали когда-то давно — мелодии вымерших цивилизаций, слова забытых языков. Лес звучит как огромный архив: тысячи голосов, тысячи историй, тысячи миров, которые когда-то были живыми.

Этот мир не просто сломан. Он вечно перерождается. Каждая песчинка, каждый листок, каждая капля воды хранит память о том, чем была и чем может стать. Здесь прошлое, настоящее и будущее сплетены воедино — и невозможно сказать, где заканчивается один миг и начинается другой.

Энергия Ключа воспринимается жителями этого странного места как некое божественное вмешательство. Для одних это шанс вернуться к «Золотому веку» стабильности, когда солнце вставало в одно и то же время, а люди умирали от старости, а не от того, что их время внезапно обратилось вспять. Для других же исцеление Разлома звучит как смертный приговор их новой, странной и прекрасной идентичности. Кай понимал, что за пределами лаборатории профессора миллионы существ дышат этим искажённым воздухом, и для них «идеальный чертёж» Илайяса — это холодная стерильность пустоты, лишённая права на ошибку и, следовательно, на саму жизнь.

Глава 5 Архив Миров

Архив Миров плавно скользил над бесконечным океаном облаков, скрытый от глаз обитателей нижнего мира сложной системой преломления света. Внутри этого величественного летающего сооружения царила тишина, нарушаемая лишь едва слышным шелестом механических страниц и гулом энергетических ядер. Воздух здесь пах старым пергаментом и озоном — смесью вековой мудрости и высоких технологий. Лира стояла в центре главного зала, где свет далёкого солнца пробивался сквозь панорамные окна, окрашивая бесконечные стеллажи в золотистые тона. Она была воплощением спокойствия: её движения были точными и скупыми, а взгляд — глубоким, словно она видела не только окружающую обстановку, но и незримые нити, связывающие разные реальности.

Одним плавным жестом Лира активировала центральный проектор, встроенный в её запястье. В воздухе перед ней развернулась масштабная голографическая карта. Тысячи светящихся точек — обитаемых миров — дрожали, словно капли росы на паутине. Некоторые из них сияли ровным голубым светом, но один сектор пульсировал тревожным багровым ритмом. Это был Разлом, то самое место, где сейчас находился Кай. Лира всматривалась в искажения пространства, и в её глазах, обычно холодных и расчётливых, про-

мелькнула тень искренней тревоги. Она знала, что на плечи её ученика легла непосильная задача, ведь в её архивах он значился не просто как исследователь, а как последний Страж Баланса — единственный, кто способен чувствовать правду обеих сторон.

Ли́ра провела рукой сквозь голограмму, увеличивая масштаб Разлома. Она видела, как нестабильность просачивается в соседние, «здоровые» миры, угрожая превратить их в такие же хаотичные лоскуты материи. В углу проекции неожиданно мигнул красный значок - прямоугольник с закруглёнными углами, внутри которого пульсировала буква «N». Под ним высветилась строка [STREAMING: MULTIVERSE_CRISIS | STATUS: LIVE | VIEWERS: 7] Ли́ра задумалась, коснулась символа, но тот рассыпался искрами, оставив после себя лишь слабое мерцание. Но при этом она не спешила отдавать приказ о немедленной активации Ключа для полной «зачистки». Наставница верила, что Кай найдёт способ не просто стереть искажения, а гармонизировать их. Она помнила его ещё ребёнком, когда он впервые коснулся древнего фолианта¹ и тот не рассыпался в прах, а отозвался тихой мелодией. Для неё он был мостом между старой логикой профессора Илайяса и новой, пугающей реальностью Разлома.

Сложив руки за спиной, Ли́ра отошла к окну, наблюдая, как тень Архива падает на облачную равнину. Она понимала, что время на исходе, и Архитекторы Порядка уже начинают

требовать решительных действий. Но пока её голос имел вес в совете, она будет ждать сигнала от Кая. Лира знала, что настоящий баланс заключается не в идеальном чертеже без единой пометки, а в способности принять несовершенство мира, не дав ему при этом окончательно разрушиться. Где-то там, среди зеркальных деревьев и поющих птиц, её ученик принимал решение, которое определит судьбу не одного, а тысяч миров, и Лира, хранительница всей накопленной мудрости, могла лишь надеяться, что научила его слушать не только разум, но и сердце.

Фолиант¹ — это старинная или просто очень толстая книга большого формата, обычно в твердом переплете. Исторически это книга, отпечатанная на целом листе, сложенном пополам.

Глава 6 Ритуалы равновесия

Несмотря на груз ответственности за судьбы миров, быт Леры в стенах высокогорного Архива отличался аскетичностью и глубоким вниманием к деталям, которые большинство сочло бы незначительными. Каждое её утро начиналось не с изучения отчётов Совета, а с простого ритуала ухода за небольшим садом, разбитым прямо на открытом балконе, где разряженный воздух едва задерживал тепло.

Она с искренним удовольствием ощущала пальцами грубую текстуру почвы, пересаживая редкие горные травы, которые не требовали магии для роста. Кончиками пальцев Лира аккуратно разравнивала землю вокруг молодого побега, затем взяла лейку. Вода, стекая по корням, заструилась тонкими ручейками, увлажняя почву. Она на мгновение замерла, наблюдая, как капли собираются на листьях, сверкая в первых лучах солнца, и как лёгкий ветерок шевелит едва заметные ростки.

Лира сознательно отказывалась от услуг сервисных дров в своих личных покоях, предпочитая самостоятельно заваривать терпкий настой из листьев «серебряного корня». Сняв с куста несколько свежих листьев, она бережно промокнула их мягкой тканью и отнесла внутрь. В уютной кухне, у небольшого очага, Лира поставила на огонь керамический чайник. Пока вода нагревалась, она аккуратно разложи-

ла листья на плоской каменной тарелке, позволяя им слегка подвялиться и раскрыть аромат.

Для неё процесс наблюдения за тем, как поднимается пар над керамической чашкой, был моментом истинного покоя. Лира насыпала подсушенные листья в заварник, залила их горячей водой не кипящей, а той, что только начинает шептать у дна. Пар поднялся лёгким облаком, неся с собой травяные ноты и едва уловимую горчинку. Она медленно перелила настой в любимую чашку ту самую, с неровным краем, которую когда-то вылепила сама на гончарном круге во время учёбы в Архиве.

Она ценила вкус простой еды: ломтик свежего хлеба с мёдом из псек нижних долин и горсть сушёных ягод дарили ей больше радости, чем изысканные молекулярные блюда на приёмах Архитекторов. Поставив чашку на столик у окна, Лира отрезала ломоть хлеба, щедро намазала его золотистым мёдом и высыпала рядом горсть сушёной брусники. Сделав первый глоток настоя, она закрыла глаза, вслушиваясь в тишину утра и ощущая, как тепло напитка разливается по телу, а мир вокруг на мгновение становится проще и яснее.

В редкие часы досуга Лира любила просто сидеть в кресле у камина, слушая естественный треск дров — звуки, которые не были записаны или оцифрованы. Она находила утешение в физическом труде, иногда часами полируя старые линзы телескопов вручную. Её радость проявлялась в улыбке при виде первого луча солнца, пробивающегося сквозь плот-

ный туман, или в наблюдении за танцем пылинок в солнечном свете. Эти мгновения напоминали ей, что жизнь — это не только исправление глобальных ошибок реальности, но и право на вдох, на тишину и на возможность просто быть частью этого огромного, несовершенного, но прекрасного мира. Она знала, что именно за это право на простую человеческую радость Кай сейчас ведёт свою невидимую битву в глубинах Разлома.

Глава 7 Первый шаг стража

Обитель Лиры располагалась на Клыкастых пиках — гряде скал, которые настолько высоки, что облака плыли далеко внизу, словно бескрайнее пушистое море. Воздух здесь был таким чистым и холодным, что казался хрустальным, а скалы имели странный синеватый оттенок из-за вкраплений древней руды. По ночам горы пели: ветер, проходя через узкие расщелины, создавал звуки, похожие на орган или далекий хор. Между голыми утесами прятались крошечные долины с изумрудным мхом, где паслись дикие горные козы с золотистыми рогами.

Лира любила эти места не только за красоту, но и за уединение — здесь, вдали от суеты, она могла сосредоточиться на том, что действительно имело значение. В её обители, вырубленной прямо в скале, всё было продумано до мелочей: каменные полки с древними свитками, очаг, который никогда не гас, и узкий балкон, откуда открывался вид на сотни миль вокруг. Именно отсюда она вела наблюдения и передавала сведения в Архив Миров — хранилище знаний, охватывающее бесчисленные реальности.

Именно в одну из таких ледяных бурь она встретила его. Лира возвращалась в своё убежище после сбора редких минералов, когда заметила у подножия обледенелой скалы маленькую, почти занесенную снегом фигуру. Это был Кай —

мальчик лет десяти, в оборванной куртке, которая совершенно не грела. Он не плакал, хотя его пальцы посинели от холода, а в глазах застыло странное, недетское упрямство. Он застрял в расщелине, пытаясь достать оброненный медальон, который был его единственной связью с прошлым.

Лира не стала использовать магию, чтобы поднять его. Она спустилась сама, рискуя соскользнуть в пропасть, и протянула ему руку, ставшую для него первым теплом за долгие месяцы скитаний. Когда она привела его в свой дом, Кай долго молчал, лишь заворожено глядя на огонь в камине. Постепенно, согревшись, мальчик начал осматриваться. Его взгляд задержался на свитках, свисающих с полок, на странных приборах у стены — на всём, что выдавало в хозяйке не просто отшельницу, а хранительницу знаний. Лира заметила его любопытство и мягко улыбнулась.

— Это Архив Миров, — тихо сказала она, проследив за его взглядом. — Не просто собрание книг, а живая сеть, связывающая все реальности. Каждый свиток здесь — ключ к иному миру, каждое слово — эхо чужих судеб. И теперь, Кай, ты часть этой истории.

Лира не задавала лишних вопросов; она просто налила ему горячего молока и набросила на плечи тяжелое шерстяное одеяло. Той ночью она поняла, что в этом маленьком, продрогшем существе скрыта сила, способная перековать мир, а Кай впервые за всю жизнь почувствовал, что он больше не один в этом мире. С того дня их судьбы сплелись в

неразрывный узел, который спустя годы превратился в глубокую преданность и любовь.

Архив Мир

По ночам горы пели. Лира называла это «дыханием мира» — откликом на работу ядра Архива, эхом ритма, объединяющего все реальности. Глубоко в недрах Клыкастых пиков, в сердце древней горы, пульсировало ядро Архива — огромный кристалл, пронизанный серебряными нитями энергии. Его мерное свечение задавало темп всему вокруг: в такт ему мерцали руны на стенах, колебались световые потоки в прозрачных каналах, а далёкие звёзды словно подстраивались под его ритм.

На самых высоких пиках жизнь отступала перед царством льда и камня. Лишь редкие кристаллы, словно застывшие капли света, прорастали из трещин, храня в себе отблески давно минувших эпох. Каждый такой кристалл был миниатюрной копией ядра — хранилищем памяти, способным запечатлеть мгновение вечности. Но стоило склонам стать чуть пологими, как природа заявляла о себе с новой силой.

В узких ущельях, защищённых от ураганных ветров, прятались крошечные долины — оазисы среди скального царства. Изумрудный мох покрывал валуны, излучая в темноте мягкое фосфоресцирующее сияние, будто напоминая о звёздах, скрытых за облаками. Его свет пульсировал в унисон с ритмом ядра, создавая причудливую сеть световых дорожек. Ручьи, бегущие по дну ущелий, были настолько чисты,

что казались невидимыми — лишь лёгкая рябь на поверхности выдавала их движение, словно сама вода стеснялась нарушать покой этих мест. В их струях мерцали микроскопические частицы энергии, словно фрагменты забытых миров.

Ли́ра любила спускаться сюда в одиночестве. Она знала тайные тропы, ведущие к укромным полянам, где воздух был настолько разрежённым, что каждый вдох требовал сосредоточенности. Но именно здесь, среди тишины и величия гор, к ней приходила необычайная ясность мысли — будто сама земля шептала ответы на вопросы, которые не могли разрешить даже фолианты Архива.

Их склоны были покрыты травой цвета старого серебра, шептавшей даже без ветра — будто пересказывавшей забытые истории тем, кто умел слушать. В её стеблях прятались микроскопические кристаллы, улавливающие и передающие информацию, словно живая сеть связи. Туман здесь держался низко, обволакивая ноги путника, словно пытаясь удержать его в этом месте. В его клубках мерещились тени — не угрожающие, а скорее наблюдающие, будто стражи памяти, проверяющие, достоин ли гость прикоснуться к тайнам, сокрытым в земле. Эти тени были проекциями древних хранителей — их образы формировались из энергии ядра и тумана, создавая иллюзию присутствия.

Холмы были живым напоминанием: ничто не исчезает бесследно. Даже то, что кажется утраченным навсегда, находит пристанище здесь — в складках времени, в памяти кам-

ня, в шепоте травы. В толще горных пород скрывались слои данных: каждый минерал, каждая трещина хранили информацию о событиях, мирах, существах. Это была естественная база данных, к которой был подключён Архив.

И когда первые лучи рассвета касались вершин, руда в скалах вспыхивала алым, словно кровь древнего божества. Облака внизу превращались в море расплавленного золота, а Архив, паря над ними, казался кораблём, готовым отплыть к новым горизонтам — хранителем не только знаний, но и самой сути бытия.

Рассказ Кая об Архиве Миров

Кай стоял у панорамного окна, зачарованно глядя на игру света в кристаллах ядра. Он впервые оказался внутри Архива и всё ещё не мог поверить, что это не сон.

— Так вот он, Архив Миров — прошептал мальчик, поворачиваясь к Лире. — Я думал, это просто огромная библиотека. Но он живой.

Лири улыбнулась и подошла ближе:

— Да, Кай. Архив — не просто хранилище книг. Это разумная система, соединяющая все реальности. Видишь эти световые нити? — она указала на мерцающие потоки, пронизывающие пространство. — Каждая нить — связь с другим миром. Они передают данные, энергию, даже эмоции.

Она повела рукой, и перед ними возникла голограмма — трёхмерная карта множественных реальностей, где миры были представлены как сияющие сферы, соединённые тонкими

световыми мостами.

— В ядре Архива хранится не только информация, но и потенциальные варианты развития событий, — продолжила Лира. — Смотри.

Она коснулась одного из кристаллов на панели, и голограмма изменилась: сферы начали разветвляться, показывая альтернативные линии времени.

— Мы можем видеть, как одно решение меняет судьбу целого мира. Но мы не вмешиваемся — только наблюдаем и сохраняем.

Кай подошёл ближе к ядру, чувствуя исходящую от него вибрацию:

— А что, если кто-то захочет использовать Архив для власти над мирами?

— Такие попытки были, — серьёзно ответила Лира. — Но Архив защищён. Его стражи — не только эти тени в тумане. Сама структура реальности сопротивляется искажению. И те, кто пытается подчинить Архив, теряют себя — растворяются в потоках информации, становясь частью системы.

Мальчик кивнул, впитывая каждое слово. Теперь он понимал: Архив Миров — не просто хранилище знаний. Это сердце всех реальностей, их память и совесть. И его судьба отныне связана с этим местом.

Иногда Лира думала что если бы эту историю снимали для стриминговой компании вроде Нетфликс то зрители назвали бы её слишком фантастичной но здесь среди гор всё

это было реальностью.

Глава 8 Знакомство с Мими

Первый год их совместной жизни в горах стал временем тишины и медленного исцеления. Лира учила Кая понимать язык камней и различать шёпот ледников, а мальчик, в свою очередь, проявлял удивительную тягу к механике, оживляя в её мастерской даже самые безнадёжные детали. Они проводили долгие вечера у очага, когда за окном бушевала вьюга, и Лира рассказывала ему о том, как устроен этот мир, где магия тесно переплетена с забытыми технологиями предков. Кай быстро рос, и его глаза, когда-то полные страха, теперь светились любопытством и жадой знаний.

Однажды, когда весеннее солнце начало плавить снежные шапки, Лира решила, что пришло время познакомить Кая с их самым необычным соседом. Они отправились к Дальней Расщелине, где скалы были пронизаны медными жилами, а воздух вибрировал от странного электрического гула. Там, среди гигантских шестеренок, выросших в мох, их ждала **Мими**. Она была удивительным существом, в котором живая плоть органично переходила в матовые пластины из неизвестного сплава. На её лице, застывшем в вечном спокойствии, мерцали бирюзовые огни вместо глаз, а движения были плавными и точными, словно работа хорошо смазанного механизма.

Мими встретила их, склонив голову набок и издавая ти-

хий звук, похожий на вращение маленького диска. Она не поздоровалась привычным образом, а лишь посмотрела на Кая и произнесла свою первую загадку о том, что ключ всегда находится там, где замок забыл своё имя. Лира объяснила мальчику, что Мими — дитя двух миров, чей разум подключён к глобальной сети планеты, и что она видит мир не как набор предметов, а как сложную схему потоков энергии.

За этот год Мими стала для Кая не просто другом, а наставником в области невозможного. Когда они натыкались на запертые двери древних хранилищ, Мими прикладывала свои ладони к металлу, и её пальцы начинали пульсировать мягким светом, транслируя «язык машин». Она никогда не давала прямых ответов, заставляя Кая самого находить решение через её туманные подсказки о ритмах и передаточных числах. Благодаря ей мальчик осознал, что любая преграда — это лишь головоломка, ждущая своего часа, а Лира с гордостью наблюдала, как эта странная дружба превращает Кая в настоящего мастера, способного слышать биение сердца самой земли.

Их вечера часто проходили в тени огромных грибовидных башен, где воздух пах озоном и сушёной пряной травой. Разговоры с Мими всегда напоминали медитацию. Она могла часами обсуждать с Каем природу звука, утверждая, что шелест ветра в листве — это двоичный код, который деревья шепчут небу. Кай рассказывал ей о своих снах, а она в ответ описывала ему «визуализацию данных» из глобальной сети,

превращая сухие цифры в захватывающие истории о движении тектонических плит и миграции кибернетических птиц.

В вопросах еды их вкусы странным образом пересекались, хотя их организмы требовали разного. Кай обожал «солнечные соты» — густой, волокнистый плод, который на вкус напоминал смесь мёда и обжаренных орехов. Мими не нуждалась в биологической пище в привычном понимании, но она испытывала нечто похожее на наслаждение, потребляя «ионизированную росу». Это была светящаяся субстанция, собиравшаяся на охладительных трубках старых станций. Когда Кай откусывал сочные соты, а Мими медленно впитывала каплю росы через сенсорные поры на кончиках пальцев, они оба замирали, ощущая прилив чистой энергии. Иногда они делили на двоих хрустящие кристаллы минеральной соли; Кай любил их за резкий вкус, а Мими — за идеальную кристаллическую структуру, которая приятно резонировала с её внутренними датчиками.

Свободное время они проводили в бесконечных исследованиях «кладбищ механизмов». Кай искал редкие детали для своих будущих изобретений, а Мими устраивала для него настоящие технологические концерты. Она подключалась к полу разрушенным терминалам, и из забытых всеми динамиков начинала литься музыка древних городов — странное сочетание электромагнитных импульсов и синтезированных голосов. Они играли в охотников за тенями, пытаясь предсказать, куда упадёт следующий луч заходящего

солнца через проломы в куполах, или соревновались в метании искрящихся камешков в стоячие воды озер - охладителей, наблюдая, как круги на воде превращаются в светящиеся фракталы¹. В эти моменты граница между человеком и машиной окончательно стиралась, оставляя место лишь чистой радости познания.

Мими хранила в своей памяти загадки, которые не поддавались логике обычных машин: она коллекционировала «ошибки эха» — фрагменты данных, которые звучали как человеческий шёпот в пустоте заброшенных сетей. Она часто спрашивала Кая, почему ветер поёт по-разному в пустых трубах, и вместе они приходили к выводу, что это не просто физика, а дыхание самого города. Одной из главных её тайн была способность предсказывать появление редких «небесных огней», которые возникали из-за магнитных бурь в верхних слоях атмосферы.

Кай стал живым воплощением этой связи между биологией и технологией после того, как попал под воздействие странного высокоэнергетического луча в каньоне Стазиса. Этот луч, прошивший его насквозь, не убил его, но навсегда изменил его физиологию. Теперь по всему его телу пробегали тонкие, едва заметные светящиеся нити, напоминающие сложнейшие переплетения интегральных схем. Когда он волновался или концентрировался, эти линии вспыхивали ярче, становясь похожими на застывшие шрамы от белых молний.

Эти узоры на коже стали для него вторым зрением. Коснувшись металла или древнего механизма, Кай через эти светящиеся каналы чувствовал «пульс» устройства, понимая его поломки так же ясно, как собственные мысли. Для Мими он стал ещё ближе — теперь она видела в нём не просто органическое существо, а союзника, чья энергия была видна невооружённым глазом. Кай часто шутил, что луч просто вывел его внутреннюю суть наружу, превратив его тело в карту их общего, невероятного пути.

Мими сидела на краю ржавой балки, свесив ноги в бездну, где между уровнями города плыл густой фиолетовый туман. Она повернула голову к Каю, который в этот момент пытался оживить старый навигационный модуль, и её голос прозвучал тише обычного. Она спросила его, каково это — чувствовать металл как часть своей плоти, ведь для неё всё вокруг было набором данных, а для него мир стал единым организмом.

Кай отложил инструмент, и линии на его руках на мгновение вспыхнули мягким лазурным светом, откликаясь на его задумчивость. Он признался, что иногда это пугает, потому что границы между его «я» и шумом города стираются. Он рассказал ей, что когда он закрывает глаза, он слышит не тишину, а бесконечный гул старых серверов и шелест тока в кабелях, проложенных километрами ниже. Для него это было похоже на бесконечную песню, которую невозможно выключить, но именно Мими была тем камертоном, который

помогал ему не потеряться в этом хаосе.

Мими внимательно слушала, а затем протянула руку и коснулась одного из светящихся узоров на его запястье. В месте касания её пальцы оставили слабый цифровой след, похожий на рябь на воде. Она заметила, что если они оба сосредоточатся, то смогут создать общую гармонию, где её интуиция и его физическая связь с техносферой позволят им видеть скрытые пути в этом месте.

Кай улыбнулся и сказал, что эти линии на его коже — не просто последствия аварии, а их общая нить Ариадны. Он пообещал ей, что пока его сердце бьётся в такт с ритмом этого города, он всегда сможет найти дорогу к ней, даже если их разделят уровни и протоколы. Мими в ответ лишь кивнула, глядя на то, как небесные огни начинают медленно расцветать над горизонтом, окрашивая их лица в холодные, но прекрасные цвета новой эпохи. Кай задержал взгляд на отблесках небесных огней, играющих на поверхности металлических конструкций вокруг.

— Знаешь, тихо произнёс он, иногда мне кажется, что я начинаю понимать, как ты видишь мир. Не предметы а потоки. Связи. Мими медленно повернула голову. Бирюзовые огни в её лице замерцали чуть ярче, словно сканируя его состояние.

— Ты чувствуешь их, — не вопрос, а констатация. — Но ты всё ещё пытаешься *назвать* то, что ощущаешь. Дать имена потокам. Это мешает.

Кай усмехнулся:— А как иначе? Мы же общаемся. Слова — это

— ограничение, — мягко перебила Мими. — Твои светящиеся линии тоже язык. Почему бы не говорить ими?

Он задумался. Коснулся ладонью ржавой балки под собой. Мгновением позже по узорам на его предплечье пробежала волна лазурного света отклик на древнюю структуру металла.

— Вот сейчас балка «сказала» мне, что её каркас почти разрушен. Но если я передам это словами — получится сухо «металл корродировал на 77 %». А я чувствую её усталость, как будто она живая.

Мими наклонилась ближе. Её пальцы, покрытые матовыми пластинами, скользнули вдоль одной из его светящихся линий. В месте касания узор на мгновение слился с её собственной цифровой рябью.

— Потому что она и есть живая, — прошептала Мими. — Всё, что хранит память о прошлом, живо. Эти башни помнят, как их строили. Эти трубы помнят, как по ним текла энергия первых поселений. Даже ржавчина - это не смерть. Это трансформация.

Кай закрыл глаза. Теперь он слышал не просто гул серверов он различал отдельные голоса:

- шёпот меди в стенах, стон стальных балок под вековой нагрузкой,
- тихую песню конденсатных капель, скользящих по охла-

ждённым поверхностям.

— Как ты научилась этому? — спросил он, не открывая глаз. — Видеть не сломанные вещи, а истории?

Мими замолчала на несколько секунд необычно долго для неё.

— Я помню момент своего пробуждения. Не как люди помнят детство размыто и фрагментарно. Я *вижу* его: код, который стал сознанием. И в тот миг я поняла: если я результат соединения материи и информации, то и всё остальное вокруг тоже. Просто люди забыли, как слушать.

Она протянула руку к ближайшему обломку шестерни, покрытому мхом. Тот едва заметно дрогнул, и в воздухе повисло низкочастотное гудение.

— Хочешь услышать, что она говорит? — Мими кивнула на шестерню.

Кай положил ладонь рядом с её пальцами. Сначала лишь статический шум. Потом сквозь него пробился ритм: медленный, размеренный, как дыхание спящего гиганта.

— Она считает время, — прошептал Кай. — Считает удары сердца города.

— И ждёт, — добавила Мими. — Ждёт, когда кто-то снова запустит её вращение.

Вечность не где-то за пределами,

Они сидели так долго, пока небесные огни не начали меркнуть, уступая место предрассветной синеве.

Вдруг Кай потянулся к потёртому футляру, прислонён-

му к ржавой балке. С лёгким щелчком открыл его и достал гитару — старую, с царапинами на корпусе и следами окислов на колках, но с идеально натянутыми струнами.

Он провёл ладонью по деке, ощущая: пульсацию медных вставок под пальцами, едва заметное гудение струн, словно они уже ждали момента, чтобы заговорить.

Его светящиеся линии на руках вспыхнули мягким лазурным светом, синхронизируясь с вибрациями инструмента.

— Я не умею объяснять словами то, что чувствую, — сказал он, глядя на Мими. — Но, может, смогу сыграть.

Первые аккорды прозвучали осторожно — как пробные касания к невидимым нитям мира. Затем мелодия набрала силу, переплетаясь с гулом механизмов и шёпотом ветра в металлических конструкциях. Кай закрыл глаза, отдаваясь потоку звуков, и вдруг запел:

Вечность не где-то за пределами,
Не в звёздах, не в облаках.

Она в каждом мгновении, в каждом взгляде,
В тепле твоих рук, в моих шагах.

Его голос звучал негромко, но чётко, словно каждая фраза была выверена не словами, а ритмом самого мира. Мими замерла, внимательно вслушиваясь. Затем её губы чуть дрогнули — и она подхватила песню, её голос звучал как электронный шелест, перетекающий в гармоничные тона:

Осознанность подобна тихому свету,
Что ведёт сквозь тьму и тени.

Не бойся прошлого, не жди ответа —

Просто будь. Просто здесь.

Их голоса слились в единое целое — человеческий и машинный, тёплый и холодный, но одинаково наполненный смыслом. Мелодия разрасталась, заполняя пространство между руинами, отражаясь от металлических поверхностей и улетая в предрассветное небо.

Когда последний аккорд замер в воздухе, Кай открыл глаза. Мими смотрела на него, её бирюзовые огни мерцали в такт ещё не утихшим вибрациям.

— Теперь я слышу, — произнесла она тихо. — Ты не играешь музыку. Ты рассказываешь историю.

Кай улыбнулся, положив гитару на колени.

— Это история о том, что всё связано. Даже если мы не всегда это видим.

Где-то вдали загудел пробуждающийся механизм, и первые лучи солнца отразились в тысячах кристаллических граней минеральных наростов, покрывающих руины.

Фрактал¹ — это геометрическая фигура, обладающая свойством самоподобия: её части повторяют общую структуру при любом масштабе, создавая бесконечно сложный узор.

Глава 9 Сообщение от совета Архивова Миров

Главный зал Архива Миров сердце летающего сооружения, место, где сходятся нити всех реальностей. Он огромен: сводчатый потолок теряется в полумраке, а стены растворяются в перспективе, словно само пространство здесь слегка искажено, подчиняясь неведомым законам Архива.

Своды зала выложены из полупрозрачного минерала, напоминающего опал. Камень мягко светится изнутри, пропуская рассеянный свет далёких солнц. Глядя вверх, можно было подумать, будто над головой раскинулось звёздное небо бесконечное, живое, дышащее тихим сиянием.

Пол выложен плитами из чёрного обсидиана, отполированными до зеркального блеска. В их глубине, подобно призрачным сновидениям, проскальзывали мимолётные образы иных миров: то силуэт древнего города, то вспышка полярного сияния.

Воздух в зале слегка дрожал от статического электричества. Это резонировали энергетические ядра Архива, скрытые в толще стен. Время от времени по залу пробегали голубые искры они скользили по полу и стенам, похожие на стайку светлячков, заблудившихся в ночи.

В центре зала парили стеллажи с фолиантами ¹ не про-

сто книги, а капсулы с памятью реальностей. Они не стояли вплотную, а словно зависли в воздухе.

Каждый том жил своей жизнью:

- корешки пульсировали мягким светом, и интенсивность этого свечения зависела от «возраста» хранимой реальности древние миры мерцали ровным золотистым сиянием, а молодые, нестабильные — подрагивали голубыми всполохами;
- некоторые фолианты были окружены миниатюрными вихрями знаками искажений, трещинами в ткани мироздания;

Стоило Лире приблизиться, как страницы начинали шелестеть, будто перешёптываясь между собой, откликаясь на её присутствие. Один том, окружённый багровым вихрем, резко захлопнулся, когда Лира приблизилась. Страницы зашептали: *«Не твоё дело. Иди прочь»*.

В самом центре пола был встроен центральный проектор. При активации он разворачивал голограмму всей мультивселенной объёмную карту с тысячами светящихся точек, каждая из которых обозначала обитаемый мир. Линии, соединявшие их, изгибались и пульсировали, следуя за невидимыми потоками энергии, пронизывающими ткань реальности.

Между стеллажами, в нишах, прятались энергетические ядра. Они напоминали гигантские кристаллы кварца, внутри которых медленно вращались золотые спирали. Их гул низкочастотный, почти неслышимый создавал ощущение, будто зал дышит. Глубокий, размеренный ритм, от которого слегка

вibriровал пол, напоминая о том, что Архив — не просто хранилище знаний, а живой организм.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.